

Недостатки правового регулирования представительства: исторические корни и современные решения

Резюме. В статье анализируется необходимость четкого разграничения категорий представительства — полномочия и поручения. Автор предлагает рассматривать поручение не только как элемент договора, но и как самостоятельную правовую категорию, которую следует закрепить в ст. 182 ГК РФ наравне с полномочием. Подчеркивается, что представительство без поручения обязывает к пассивности, а поручение «активирует» полномочие.

Доказано, что современное регулирование (ст. 174 и 183 ГК РФ) ошибочно заменяет «поручение» на «договорные ограничения», создавая пробелы. Предлагается разграничить ст. 183 ГК РФ — для отсутствия (превышения) полномочий — и ст. 174 ГК РФ — для нарушений поручения. Исторический анализ показывает, что полномочия из обстановки (действия продавца, кассира) относятся к принятию исполнения (ст. 312 ГК РФ), а не к сделкам. Автор предлагает исключить абз. 2 п. 1 ст. 182 ГК РФ, перенеся его в ст. 312 Кодекса, что меняет подход к рассматриваемому институту. Критикуется расширение представительства на юридические поступки (уведомления, претензии) как возврат к доктрине XIX в. Отмечается межотраслевая природа исследуемого института при единых гражданско-правовых основаниях возникновения полномочий.

Ключевые слова: представительство; полномочия; поручение; доверенность; сделки; договор поручения; конклюдентное уполномочие; видимые полномочия; исполнение обязательства; полномочия из обстановки; представитель; представляемый

Для цитирования: Кораев К. Б. Недостатки правового регулирования представительства: исторические корни и современные решения. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 4. С. 30–45. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.233.4.030-045

Shortcomings in the Legal Regulation of Representation: Historical Roots and Modern Solutions

Konstantin B. Korayev

St. Petersburg State University of Economics

St. Petersburg, Russian Federation

Abstract. The paper examines the need for a clear conceptual distinction between the categories of representation, namely: authority and mandate. The author proposes treating the mandate not merely as an element of a contract but as an independent legal category that should be expressly incorporated into the Civil Code of the Russian Federation (Article 182) alongside authority. It is emphasized that representation without a mandate entails an obligation of «passivity», whereas the mandate «activates» the authority. The author demonstrates that current regulation (Articles 174 and 183 of the Civil Code of the Russian Federation) erroneously substitutes «mandate» with «contractual restrictions», thereby creating doctrinal and practical gaps. A distinction is proposed whereby Article 183 of the Civil Code should apply to cases involving the absence or excess of authority, while Article 174

should govern violations of a mandate. A historical analysis shows that authority arising from circumstances (e.g., the actions of a salesperson or cashier) pertains to the acceptance of performance (Article 312 of the Civil Code of the Russian Federation), rather than to the conclusion of transactions. The author therefore proposes deleting paragraph 2 of Clause 1 of Article 182 of the Civil Code and transferring its substance to Article 312, thereby fundamentally revising the conceptual approach to the institution. The paper further criticizes the expansion of representation to encompass juridical acts (such as notices and claims), viewing this as a return to nineteenth-century doctrine. At the same time, the author underscores the cross-sectoral nature of the institution of representation, while maintaining the unity of its civil-law foundations for the emergence of authority.

Keywords: representation; authority; assignment; power of attorney; transactions; assignment agreement; special authority; visible authority; performance of the obligation; powers from the situation; representative; represented

Cite as: Koraev KB. Shortcomings in the Legal Regulation of Representation: Historical Roots and Modern Solutions. *Lex russica*. 2026;79(4):30-45. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.233.4.030-045

Введение

Институт представительства дает возможность одному лицу совершать сделки от имени другого. Это позволяет субъекту права выйти за пределы своей физической личности, так как, находясь в одном географическом месте, он может совершать сделки через своих представителей в других географических местах.

Современное регулирование представительства характеризуется следующими особенностями.

Представительство — самостоятельный институт гражданского права, не зависящий от конкретного вида договора. Оно может быть обусловлено заключением различных договоров: поручения, оказания услуг по судебному представительству, транспортной экспедиции и т.д. Именно поэтому положения о представительстве закреплены в отдельной главе общей части ГК РФ (гл. 10).

Несмотря на то что представительство может основываться на различных договорах, необходимо строго различать полномочие и договорное отношение между лицом, дающим полномочие и его получающим. Судьба указанного договорного отношения не определяет судьбу полномочия: последнее может быть действительным и при признании договора между представляемым и представителем недействительным; оно может сохранять свою силу и по прекращении этого договора¹.

Понятие представительства в законодательстве прямо не раскрыто, однако установлено,

что сделка, совершенная одним лицом (представителем) от имени другого лица (представляемого) в силу *полномочия*, основанного на доверенности, указании закона либо акте уполномоченного на то государственного органа или органа местного самоуправления, непосредственно создает, изменяет и прекращает гражданские права и обязанности представляемого (п. 1 ст. 182 ГК РФ).

Содержание данной нормы позволяет заключить, что в основе отношений представительства лежит категория «полномочие», под которой следует понимать возможность совершать сделки от имени другого лица. Чтобы третье лицо могло обладать такой возможностью, его следует наделить полномочием.

Представительство возникает исключительно по поводу совершения сделок (п. 1 ст. 182 ГК РФ).

Эволюция института представительства в гражданском праве России и зарубежных стран

Институт представительства, в противоположность многим институтам гражданского права, отличается преимущественно космополитическим характером, объясняемым однородностью потребностей, вызвавших его возникновение в современном гражданском обороте². Поэтому при его исследовании необходимо учитывать опыт зарубежного законодательства.

В отличие от многих институтов гражданского права, институт представительства не-

¹ Шерешевский И. В. Представительство. Поручение и доверенность : Комментарии к статьям 38–40 и 251–275 Гражданского кодекса. М. : Право и жизнь, 1925. С. 20.

² Нерсесов Н. О. Понятие добровольного представительства в гражданском праве. М. : Тип.-лит. И. И. Смирнова, 1878. С. 175.

возможно понять, не изучив его историческую эволюцию, поскольку многие дискуссионные вопросы современного представительства являются прямым следствием его исторического развития. К сожалению, данный аспект не всегда учитывается в научных исследованиях.

В связи с этим для правильного понимания сущности института представительства необходимо детально рассмотреть процесс его генезиса и эволюции в нормативно-правовых системах и доктринальных источниках как России, так и зарубежных государств.

Римскому праву не был известен институт представительства, где одно лицо действует от имени другого. Вместо этого использовался договор поручения: поверенный приобретал права от своего имени, а затем передавал их доверителю.

В начале XIX в. начали появляться нормы, допускающие представительство — совершение сделок от чужого имени. Они развивались в рамках договора поручения, который, в отличие от римского права, разрешал поверенному действовать от имени доверителя. До конца XIX в. представительство было неразрывным элементом правового регулирования отношений, возникающих из договора поручения³. В это время договор поручения принято было именовать «договор поручения или доверенности». Связь была настолько тесной, что такое наименование (*le mandat ou procuration*) сохраняется даже в современном французском праве (ст. 1984 Французского гражданского кодекса (далее — ФГК)).

Например, в Прусском земском уложении 1794 г., Австрийском гражданском уложении 1811 г., Саксонском гражданском кодексе 1863 г. была закреплена возможность поверенного вести дела (не только совершать сделки) от имени доверителя. При этом правила о представительстве содержались в разделах, нормы которых регулировали договор поруче-

ния. Более точно институт представительства стал определяться в Общегерманском торговом уложении 1861 г., которое провело строгое различие между полномочием, выдача которого порождала отношения представительства, и самим поручением, устанавливая для каждого института отдельные нормы, хотя и употребляя иногда соответствующие термины как синонимы⁴.

Нормы гражданского законодательства Франции XIX в. регулировали представительство, закрепляя соответствующие положения в договоре поручения и доверенности (ст. 1984 ФГК).

В законодательстве Российской империи XIX в. также существовали нормы о представительстве. Они содержались в Своде законов гражданских (т. X, ч. 1 Свода законов Российской империи⁵) и Уставе торговом (т. XI, ч. 2 Свода законов Российской империи⁶). Анализ гл. II разд. 4 кн. 4 Свода законов гражданских («О доверенности и верующих письмах») позволяет сделать вывод, что под доверенностью понимался договор⁷, по которому одно лицо действовало от имени и по поручению другого. Согласно ст. 32 Устава торгового посредством выдачи доверенности заключался договор торговой доверенности, дававшей право на осуществление торговли или таможенных операций (не только сделки) от имени доверителя. Следовательно, в отличие от зарубежного права, революционное российское законодательство квалифицировало не представительство как часть поручения, а наоборот — поручение как составной элемент представительства. Однако эта особенность имела второстепенный характер, поскольку в тот период представительство еще не являлось самостоятельным институтом гражданского права.

Таким образом, правовое регулирование представительства в XIX в. характеризуется следующими особенностями.

³ Шерешевский И. В. Указ. соч. С. 11.

⁴ Цит. по: Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего сената и комментариями русских юристов / сост. И. М. Тютрюмов. Книга вторая // URL: https://civil.consultant.ru/elib/books/34/page_53.html.

⁵ URL: <https://civil.consultant.ru/reprint/books/211/167.html>.

⁶ URL: <https://civil.consultant.ru/reprint/books/250/975.html>.

⁷ «К разряду обязательств, относящихся к личным услугам, следует причислить также договор доверенности как сделку, в силу которой одна сторона, поверенный, принимает на себя обязанность совершить за другую, доверителя, какое-либо гражданское действие». См.: Пахман С. В. Обычное гражданское право в России : юридические очерки. СПб. : 1877. Т. 1 : Собственность, обязательства и средства судебного охранения. С. 237.

1. Представительство не являлось самостоятельным институтом гражданского права, а было элементом договора поручения. Поэтому ни в одном правовом акте того времени нормы о представительстве не были закреплены в отдельном разделе общей части гражданского законодательства.

2. Поскольку представительство было неотъемлемо связано с договором поручения, круг действий, совершаемых представителем, был значительно шире современного. Он включал не только сделки (как в современном представительстве), но и юридические поступки (исполнение обязательства, прием исполнения и т.д.), а также фактические действия.

В рассматриваемый период юридическая наука в области представительства опережала законодательство. Правовая доктрина уже предлагала более прогрессивные концепции, но их закрепление в нормативных актах произошло гораздо позже.

Особое внимание уделялось независимости института представительства от иных договорных форм. Именно поэтому исследователи активно стремились отграничить его от смежных явлений⁸ — прежде всего от договора поручения, а также от фактического и юридического соучастия, действий посланников, договоров в пользу третьих лиц и других подобных институтов⁹.

Отмечалось, что представительство состоит только в заключении сделок¹⁰.

Следующим этапом развития отечественного института представительства стало издание проекта Гражданского уложения Российской империи¹¹. Его составители не учли достижения юридической науки, и отношения представительства по-прежнему оставались связанными с договором поручения. Статья 505 (2035 в поздней редакции) названного проекта содержит

легальное определение договора доверенности или поручения¹². По этому договору доверитель уполномочивает действовать от его имени и за его счет другое лицо (поверенного), которое принимает исполнение возлагаемого на него поручения безвозмездно или за вознаграждение. Из текста указанной статьи также следует, что предметом представительства являются действия (фактические и юридические), а не только сделки.

Предложенный проект Гражданского уложения подвергся критике. Приват-доцент Л. С. Таль обоснованно писал, что с середины XIX в. после исследования Иеринга, Лабанда и др. в науке гражданского права твердо установился взгляд, что понятия «полномочие» и «поручение» не тождественны и не составляют, как раньше думали, двух сторон одного и того же отношения. Поручением называется договор между доверителем и поверенным, полномочием же — волеизъявление, которым одно лицо признает другое в известных пределах своим представителем. Полномочие является самостоятельным институтом, который, хотя и обыкновенно соединяется с поручением и нередко имеет одинаковое с ним содержание, может и не совпадать с ним. Следовательно, полномочие поэтому не может рассматриваться как элемент договора поручения. Оно составляет тесно связанное с ним, но самостоятельное волеизъявление. Начиная с швейцарского Закона 1881 г. об обязательствах, все без исключения гражданские кодексы и проекты отделяют полномочие от договора поручения и закрепляют его в общей части в связи с представительством. Лишь названный проект почему-то вернулся к прежней, осужденной теорией и практикой системе, излагая постановления о полномочиях в главе о договоре поручения¹³.

⁸ Современная доктрина рассматривает представительство как самостоятельный институт гражданского права, и его независимость по отношению к перечисленным институтам очевидна и бесспорна. Однако в силу исторической инерции учебная литература по-прежнему акцентирует этот момент, хотя сегодня он не имеет прежней актуальности.

⁹ *Нерсесов Н. О.* Указ. соч. С. 1–74; *Казанцев Л. Н.* Учение о представительстве в гражданском праве: кандидатское рассуждение. Ярославль: Тип. Г. В. Фальк, 1878. С. 3–97.

¹⁰ *Казанцев Л. Н.* Указ. соч. С. 121.

¹¹ Гражданское уложение. Книга пятая. Обязательства. Проект Высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения. Т. 3. Ст. 505–718. СПб.: Гос. тип., 1899.

¹² В отличие от российской практики, зарубежные кодификации акцентировали внимание именно на поручении, в связи с чем соответствующие договоры назывались договорами поручения или доверенности.

¹³ *Таль Л. С.* Договор доверенности или поручения в проекте гражданского уложения // *Право.* 1911. № 12. С. 737–741.

Следующий этап развития отечественного института представительства связан с советским периодом.

1 января 1923 г. был введен в действие ГК РСФСР, нормы которого ознаменовали существенный шаг вперед в правовом регулировании представительства. Оно впервые было квалифицировано как самостоятельный институт гражданского права, а нормы о нем разместили в общей части Гражданского кодекса. Кроме того, было установлено, что представительство может возникать только в связи с совершением сделок (ст. 39 ГК РСФСР 1922 г.).

Между тем не все нормы, касающиеся представительства, были размещены в общей части Кодекса. В частности, положения о доверенности как основании возникновения отношений представительства остались в особенной части. Тем не менее прогрессивным стало отделение этих норм от правил о договоре поручения и признание доверенности односторонней сделкой (гл. IX ГК РСФСР 1922 г. состояла из разд. А «Поручение» и разд. Б «Доверенность»).

Только с принятием ГК РСФСР 1964 г. правовое регулирование отношений представительства приобрело современные черты. В гл. 4 «Представительство и доверенность» Кодекса были закреплены не только нормы, касающиеся представительства, но и положения о доверенности как основании его возникновения. С этого момента в отечественном законодательстве институт представительства окончательно обособился от договора поручения, в рамках которого он изначально возник.

Таким образом, институт представительства эволюционировал от полного отсутствия в римском праве (где использовался лишь договор поручения с действиями от своего имени) к постепенному признанию в XIX в. возможности совершать сделки от чужого имени, хотя и в рамках договора поручения. К началу XX в. юридическая наука обособила представительство как самостоятельный институт, однако в российском проекте Гражданского уложения эта прогрессивная идея не была учтена. Лишь в советский период, особенно с принятием ГК РСФСР 1964 г., представительство окончательно отделилось от поручения, приобретая современ-

ные черты с четким разделением полномочия и договора поручения¹⁴.

Полномочие и поручение как неотъемлемые категории института представительства

Изначальная связь представительства с поручением не была случайной, однако этот аспект упускается в исследованиях. Основной недостаток современного регулирования — искусственная отделенность представительства от поручения, что нарушает их историческую и функциональную взаимосвязь. Подобно тому как полномочие приобрело универсальный и абстрактный характер, поручение также должно стать аналогичной обобщенной категорией для представительства. После исторического разделения, которое прошли данные категории, их необходимо вновь соединить в новом качестве — как универсальные правовые категории, независимые от основания своего возникновения. Это поможет повысить эффективность норм о представительстве.

Обособление представительства от договора поручения проявляется в том, что «полномочие... может существовать независимо от договорной обязанности и ни к чему не обязывать»¹⁵. Например, гражданин, уезжая на долгий срок в другую страну, может оставить своему родственнику доверенность на совершение сделок с имуществом.

В данном случае между лицами существуют исключительно отношения представительства, основанные на односторонней сделке (доверенности), тогда как договорные отношения, устанавливающие поручение действовать в рамках предоставленного полномочия, отсутствуют.

Следовательно, полномочие вне поручения обязывает представителя к пассивности — к воздержанию от реализации предоставленных полномочий. Метафорически выражаясь, в таком состоянии представительство напоминает «спящий вулкан», пробудить который способно только поручение. Именно поэтому в теории представительства особую значимость приобретает исследование поручения как универсальной правовой категории, выходящей за рамки договора поручения.

¹⁴ Во Франции данное разделение произошло в 2016 г. в соответствии с Декретом № 2016-131 от 10.02.2016. До принятия этого Декрета ФГК не предусматривал единого общего режима представительства. См.: *Lecourt A. Fiches de droit des obligations. 7e éd. Éditions Ellipses, 2023.*

¹⁵ *Шерешевский И. В. Указ. соч. С. 19.*

Поручение в рамках представительства представляет собой указание совершить сделку. Такое понимание отличается от его трактовки в контексте договора поручения, комиссии или агентского договора, где оно может включать, помимо сделок, также фактические действия и юридические поступки (например, принятие исполнения, уведомление контрагента).

В отличие от полномочия, которое возникает из односторонней сделки и не обязывает представителя к активности, поручение, напротив, основывается прежде всего на договоре, поскольку создает для представителя обязанность действовать. В отношении законного представительства поручение, подобно полномочию, устанавливается законом. Согласно п. 2 ст. 31 ГК РФ опекуны и попечители выступают в защиту прав и интересов своих подопечных в отношениях с любыми лицами, в том числе в судах, без специального полномочия¹⁶. Данная норма возлагает на законных представителей обязанность действовать в защиту прав и интересов своих подопечных, что фактически является поручением.

Вместе с тем, как и полномочие, поручение носит универсальный характер, проявляющийся в его независимости от конкретного договора. Оно может быть закреплено не только в договоре поручения, но и в других договорных конструкциях: в договоре на оказание юридических услуг (конкретизирующем спор в рамках общей доверенности), договоре транспортной экспедиции (абз. 2 п. 1 ст. 801 ГК РФ), трудовом договоре (дающем руководителю право давать поручения на совершение конкретных сделок в рамках общей доверенности) и т.д.

Таким образом, выдача полномочия влечет возникновение отношений представительства, в рамках которых возникает единственное обязательство: представляемый имеет право требовать, а представитель обязан не совершать сделки без соответствующего поручения. Только после принятия поручения у представителя появляется возможность использовать полномочие для совершения сделок с третьими лицами от имени представляемого. Данная идея

находит свое отражение в законодательстве Китая. Так, согласно ст. 163 ГК КНР, принятого в 2020 г., представитель по доверенности осуществляет свои полномочия в соответствии с поручением представляемого¹⁷.

Действующее законодательство предусматривает правовые последствия заключения сделок в случае отсутствия полномочий или при их превышении (ст. 183 ГК РФ). Аналогично этому представитель может совершить сделки при наличии полномочий, но без поручения или за его пределами. Действующее законодательство также предусматривает правовые последствия совершения таких сделок, несмотря на то что не оперирует категорией поручения. Они установлены в ст. 174 ГК РФ, в которой законодатель вместо упоминания категории поручения использует словосочетание «полномочия... ограничены договором».

Очевидно, что подобная замена терминов не позволит создать эффективную модель регулирования.

Во-первых, на практике возникают сложности в разграничении формулировок, а следовательно, в определении норм, которые необходимо применять:

— «отсутствие полномочий действовать или превышение таких полномочий» (ст. 183 ГК РФ);

— «полномочия... ограничены договором... за пределы этих ограничений» (ст. 174 ГК РФ).

Во-вторых, как быть в приведенном выше примере, когда у представителя есть полномочия, но нет поручения (а значит, и договора, ограничивающего полномочия)? Или как поступить в ситуации, когда работнику выдана доверенность, но не давалось поручение на совершение сделки? В данном случае имеется трудовой договор, но в нем нет условий об ограничении полномочий. Буквальное толкование норм ст. 174 ГК РФ не позволяет применить их к описанным случаям.

Как представляется, указанные недостатки правового регулирования можно устранить, используя категорию поручения. Тогда система норм станет более логичной:

¹⁶ Необходимо отметить, что приведенное положение расходится с ч. 2 ст. 15 Федерального закона от 24.04.2008 № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве». Согласно указанной норме опекуны являются законными представителями своих подопечных и вправе выступать в защиту прав и законных интересов своих подопечных в любых отношениях без специального полномочия. Здесь защита прав и законных интересов подопечных является субъективным правом, а не обязанностью, что находится в противоречии с п. 2 ст. 31 ГК РФ и представляется спорным.

¹⁷ URL: <https://baike.baidu.com/item/%E4%B8%AD%E5%8D%8E%E4%BA%E6%B0%91%E5%85%B1%E5%92%8C%E5%9B%BD%E6%B0%91%E6%B3%95%E5%85%B8/19435116#2-5>.

— ст. 183 ГК РФ будет применяться при нарушении пределов полномочий;

— ст. 174 ГК РФ — при нарушении пределов поручения.

Кроме того, включение в ст. 174 ГК РФ категории поручения вместо формулировки «полномочия... ограничены договором» позволит распространить ее действие на все случаи нарушения поручения, а не только на их часть — «договорное ограничение полномочий».

Следует установить также ответственность представителя за убытки, причиненные представляемому в связи с заключением сделки при наличии полномочий, но без поручения.

На основании изложенного представляется целесообразным дополнить ст. 182 ГК РФ следующим пунктом:

«Представитель не может совершать сделки от имени представляемого без принятия от него поручения на их совершение.

Убытки, возникшие в результате совершения сделки с нарушением правил, установленных в абзаце первом настоящего пункта, и на которую представляемый не дал согласия, подлежат возмещению представителем».

Необходимо дополнить гл. 10 ГК РФ статьей «Общие положения о поручении» следующего содержания:

«1. Поручением признается указание совершить сделку, исходящее от одного лица и принимаемое другим лицом или другими лицами на основании договора или иного правового основания для представительства перед третьими лицами.

2. Поручения от имени малолетних (ст. 28) и от имени недееспособных граждан (ст. 29) выдают их законные представители.

3. В случае принятия поручения несколькими представителями каждый из них самостоятелен в его исполнении, если договором или существом поручения не предусмотрено, что представители исполняют его совместно.

4. Правила настоящей статьи соответственно применяются также в случаях, если поручение выдано несколькими лицами совместно».

Кроме того, требует изменения п. 1 ст. 174 ГК РФ:

«1. Если имеющий полномочие представитель при совершении сделки действовал без

поручения или вышел за пределы принятого поручения, такая сделка может быть признана судом недействительной по иску представляемого лишь в случаях, когда доказано, что другая сторона сделки знала или могла знать об отсутствии поручения или о его содержании»¹⁸.

Полномочия из обстановки и видимость полномочий

В большинстве случаев полномочия представителя основываются на юридических фактах и состояниях, указанных в абз. 1 п. 1 ст. 182 ГК РФ, к которым относятся:

1) доверенность, которая представляет собой одностороннюю сделку. При этом следует различать:

— доверенность как сделку (т.е. действие представляемого по выдаче полномочия) (п. 1 ст. 185 ГК РФ);

— доверенность как документ, в котором фиксируется волеизъявление представляемого (ст. 185.1 ГК РФ);

2) акт уполномоченного на то государственного органа или органа местного самоуправления, который представляет собой одностороннюю сделку по аналогии с доверенностью;

3) иные основания, указанные в законе (например, законные представители, капитаны судов и т.д.).

Отдельно в абз. 2 п. 1 ст. 182 ГК РФ в качестве основания возникновения полномочий указывается обстановка, в которой действует представитель (продавец в розничной торговле, кассир и т.п.). Как обоснованно отмечается, эта норма позволяет наделить полномочием другое лицо посредством помещения его в такую обстановку, из которой явствуют его полномочия (конклюдентное уполномочие). Если хозяин магазина поручает кому-то встать за прилавком или сесть за кассу, данное лицо будет обладать полномочиями и без выдачи ему письменной доверенности. Из обстановки, в которой действуют такие лица, третьи лица могут сделать вывод не только о наличии полномочия, но и о его объеме¹⁹.

Указанный вид полномочий впервые был разработан немецкой доктриной и получил

¹⁸ Автор предлагает данную редакцию без учета норм о представительстве органов юридического лица, поскольку вопрос применения к ним положений о представительстве выходит за рамки настоящего исследования.

¹⁹ Гражданское право : учебник : в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2019. С. 487–488.

название «молчаливое (конклюдентное) уполномочие» (*stillschweigende Bevollmächtigung*)²⁰, поскольку оно основано не на письменной доверенности, а на поведении субъектов отношений представительства. От этого вида полномочий следует отличать «*видимое полномочие*» (*Vollmacht kraft Rechtsscheins*), которое подразделяется на «*кажущееся*» (*Anscheinsvollmacht*) и «*дозволительное*» (*Duldungsvollmacht*)²¹.

Существенное различие названных видов полномочий связано с тем, что в первом случае представитель имеет полномочия от представляемого (кассир в магазине в силу обстановки обладает полномочиями), а во втором у него нет полномочий (например, доверенность отменена). Несмотря на это, в последнем случае ввиду видимости полномочий для третьего лица законодатель устанавливает правовые последствия, как если бы полномочия существовали.

Таким образом, «полномочия из обстановки» («молчаливое (конклюдентное) полномочие») и «видимые полномочия» представляют собой разные аспекты учения о представительстве. Их необходимо четко различать²², а не отождествлять²³.

Полномочия из обстановки

Нормы о молчаливом представительстве впервые получили законодательное закреп-

ление в России с принятием ГК РСФСР 1964 г. В дореволюционный и советский период до указанной даты данный институт не был известен отечественной правовой системе. В настоящее время механизм возникновения полномочий из фактической обстановки применяется не только в российском, но и в зарубежном праве. В частности, ФГК, хотя и не упоминает прямо такой механизм (немой мандат — *mandat tacite*) в разделе о представительстве, допускает его в рамках других правовых институтов. Например, согласно ст. 1432 ФГК, если один из супругов принимает на себя управление личным имуществом другого с ведома последнего и в то же время в отсутствие возражений с его стороны, считается, что он принял *подразумеваемое поручение* (*mandat tacite*), распространяющееся на сделки по управлению и пользованию этим имуществом, но не на сделки по распоряжению им.

В китайском законодательстве полномочия, вытекающие из обстановки, выражены прямо. В общих положениях о представительстве четко указано, что действия работников юридического лица или неюридической организации при исполнении их трудовых обязанностей в пределах своих полномочий, совершенные от имени юридического лица или неюридической организации, имеют силу для последних. Ограничения полномочий работников юридического лица или неюридической организации

²⁰ Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Часть третья : Договоры и обязательства // URL: https://civil.consultant.ru/elib/books/17/page_63.html.

²¹ Hübner H. Allgemeiner Teil des Bürgerlichen Gesetzbuches. 2. Aufl. Berlin ; New York : de Gruyter, 1996. S. 518 (Rn. 1245).

²² «От конклюдентного уполномочия следует отличать видимость полномочий — ситуации, когда обстоятельства, в которых неуполномоченное лицо действует от имени другого, дают третьим лицам основания полагать, будто оно обладает необходимым полномочием». См.: Гражданское право : учебник : в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. С. 488.

²³ Представляется спорным подход, изложенный в разд. 2.2 «Предполагаемые полномочия (полномочия из обстановки)» монографии «Представительство: исследование судебной практики» (Егоров А. В., Папченкова Е. А., Ширвиндт А. М. Представительство: исследование судебной практики. М. : Статут, 2016. С. 62–65), где анализ полномочий из обстановки проводится сквозь призму концепции видимого полномочия. Как отмечается в немецкой правовой литературе, необходимым условием применения правил о видимом полномочии является фактическое отсутствие полномочий, основанных как на прямом волеизъявлении, так и на конклюдентных действиях (см.: Schade F. Wirtschaftsprivatrecht: Grundlagen des bürgerlichen Rechts sowie des Handels- und Wirtschaftsrechts. 2. Aufl. Stuttgart : Kohlhammer, 2009. S. 51 (Rn. 121)). На этот подход, ссылаясь на немецкий источник, обращают внимание авторы названной монографии: «...в доктрине [немецкой] предлагается исходить из того, что случаи, когда в помещении лица в какую-либо обстановку, с которой связывается наличие у него полномочий, усматривается наделение полномочиями посредством конклюдентных действий, вообще не должны относиться к числу полномочий, основанных на видимости их существования» (Егоров А. В., Папченкова Е. А., Ширвиндт А. М. Указ. соч. С. 64).

не могут быть противопоставлены добросовестному контрагенту (ст. 170 ГК КНР)²⁴.

Германское гражданское уложение (далее — ГГУ), как и ФГК, в общих положениях о представительстве также не содержит нормы о молчаливом (конклюдентном) уполномочии. Однако соответствующие положения находят свое применение в области семейных отношений. Согласно предл. 1 абз. 1 § 1357 ГГУ супруги уполномочены совершать сделки для надлежащего обеспечения жизненных потребностей семьи, которые имеют обязательную силу и для другого супруга. В этом отношении эффект сходен с представительством одним супругом другого. Однако ключевое отличие заключается в том, что действующий супруг также становится правомочным и обязанным. Кроме того, действующему супругу не требуется явно выражать намерение обязать другого. Таким образом, § 1357 обладает особой правовой природой — *молчаливого уполномочия* (stillschweigende Bevollmächtigung)²⁵.

В немецкой правовой системе конклюдентное уполномочивание последовательно реализовано в § 56 Германского торгового уложения (далее — ГТУ), согласно которому лицо, работающее в магазине или на открытом товарном складе, считается уполномоченным на совершение продаж и прием платежей, которые обычно осуществляются в данном магазине или на товарном складе.

Таким образом, сравнительно-правовой анализ регулирования представительства в России и за рубежом демонстрирует признание на законодательном уровне возможности возникновения полномочий из обстановки.

В российской правовой доктрине возможность наделения полномочиями посредством помещения лица в соответствующую обстановку не вызывает дискуссий. Несмотря на это, представляется спорной обоснованность его применения к отношениям представительства.

Как указывалось выше, положения о молчаливом представительстве появились в законодательстве Германии. В XIX в. случаи так называемого безмолвного или немолчаливого уполномочия (*mandatum tacitum*) упоминались только в прус-

ском законодательстве. В это время считалось, что некоторые лица, состоящие в определенных семейных, хозяйственных или служебных отношениях (близкие родственники, соучастники во владении, управители, официанты и т.п.), имеют право действовать в безотлагательных случаях от имени другого лица на основании предполагаемого уполномочия (*vermutete Vollmacht*) с обязательным последующим уведомлением соответствующего лица, чье молчание служит знаком согласия²⁶.

Возникновение института конклюдентного представительства имеет ключевое значение для точного определения его места в системе норм гражданского права. В этот период отношения представительства являлись неотъемлемой частью договора поручения. Следовательно, предмет таких отношений и договора поручения не разделялся и оставался единым. Он охватывал не только сделки, но и иные юридические либо фактические действия — в зависимости от законодательства того или иного государства.

В связи с этим возникает вопрос: к чему именно на начальном этапе применялся механизм молчаливого уполномочивания — к сделкам, юридическим поступкам (таким как исполнение обязательства или принятие его исполнения) или фактическим действиям?

Прусский закон указывал на некоторые внешние признаки случайного или фактического уполномочия. Так, кто приходит получать деньги за кредитора по обязательству или счету с заранее подготовленной распиской, тот считается уполномоченным на получение денег. Но если кто-то приходит от имени кредитора, имея в руках только обязательство или счет без расписки, то в отношении такого лица можно усомниться в правомерности передачи платежа. Лицу, которому передано для продажи движимое имущество, можно производить платежи за него с уверенностью, но нет основания предполагать, что оно уполномочено предоставлять отсрочку платежа. При этом уполномочие на продажу недвижимости еще не означает, что тому же лицу доверяется получить за нее деньги. Когда приказчик продает в лавке

²⁴ URL: <https://baike.baidu.com/item/%E4%B8%AD%E5%8D%8E%E4%BA%BA%E6%B0%91%E5%85%B1%E5%92%8C%E5%9B%BD%E6%B0%91%E6%B3%95%E5%85%B8/19435116#2-5>.

²⁵ *Leipold D.* BGB I: Einführung und allgemeiner Teil : Ein Lehrbuch mit Fällen und Kontrollfragen. 5. Aufl. Tübingen : Mohr Siebeck, 2008. S. 350 (Rn. 7–8).

²⁶ *Победоносцев К. П.* Указ. соч.

товар, предполагается, что ему можно вносить платеж за покупку²⁷.

Следовательно, правовой механизм молчаливого уполномочивания изначально касался принятия исполнения (юридического поступка) (ст. 312 ГК РФ), что не входило в предмет представительства с момента его отделения от договора поручения.

Анализ судебной практики применения норм о молчаливом уполномочивании (абз. 2 п. 1 ст. 182 ГК РФ) показывает, что они применяются к принятию исполнения (ст. 312 ГК РФ), а не к совершению сделок. Авторы монографии «Представительство: исследование судебной практики», изучая классификацию полномочий из обстановки, приводят многочисленные примеры из судебной практики, которая касается исключительно случаев принятия исполнения (ст. 312 ГК РФ), а не сделок²⁸.

Таким образом, российский опыт применения норм о конклюдентном уполномочивании тоже показывает, что они не используются в области представительства.

В параграфе 56 ГТУ прямо указывается, что полномочия из обстановки возникают не только в связи с совершением сделок (продаж), но и в связи с приемом платежей и фактической передачей товаров²⁹.

В данном случае тоже видно, что применение конклюдентного уполномочия касается юридического поступка (принятия исполнения обязательства) (ст. 312 ГК РФ).

Впрочем, параграф 56 ГТУ также допускает возможность использования полномочий из обстановки к продажам (сделкам), совершение которых возможно исключительно на складе или в магазине, под которыми понимаются торговые (складские) помещения, доступные для покупателей. Вместе с тем необязательно, чтобы это была постоянная или стационарная точка — сюда относится и открытый торговый стенд³⁰.

Как представляется, такое регулирование не может свидетельствовать об обоснованности применения полномочий из обстановки к отношениям представительства по следующим причинам.

Во-первых, при исследовании полномочий из обстановки упускается из виду, что в большинстве случаев в магазинах (на складах) продавцы розничной торговли или кассиры не заключают договоры купли-продажи. Открытие в рабочее время магазина (склада), метрополитена и т.д. подразумевает публичную конклюдентную оферту, совершение которой всегда проходит вне поля зрения покупателя. Поэтому вопрос о полномочиях лиц, совершающих данные действия, не имеет значения.

Кроме того, в современных условиях с помощью касс самообслуживания покупатель может совершить покупку, не взаимодействуя с работниками магазина (склада), что очевидно свидетельствует о том, что продажа происходит благодаря конклюдентным действиям работников магазина (склада) или иных организаций (в форме публичной оферты), которые не вступают в контакт с покупателем, и конклюдентным действиям самого покупателя (например, помещению товара в корзину).

Что касается кассы (если покупка не осуществляется через кассу самообслуживания), то кассир лишь принимает платеж за товар (ст. 312 ГК РФ), а не заключает сделку.

Таким образом, в случаях, когда розничные договоры заключаются посредством публичной оферты, молчаливое уполномочивание также опосредует юридические поступки (исполнение обязательства или принятие его исполнения), которые не охватываются институтом представительства. Следовательно, отношения представительства не возникают, поскольку заключение договора осуществляется путем конклюдентных действий, совершаемых сторонами без непосредственного взаимодействия. Непосредственный контакт между сторонами может возникнуть лишь на этапе исполнения уже заключенного договора (если покупка не осуществляется через кассу самообслуживания).

Во-вторых, в случаях, когда в розничной торговле договор заключается вне публичной оферты (например, в автосалонах, мебельных магазинах и аналогичных торговых предприя-

²⁷ Победоносцев К. П. Указ. соч.

²⁸ Егоров А. В., Папченкова Е. А., Ширвиндт А. М. Указ. соч. С. 65–77.

²⁹ *Handelsgesetzbuch : Großkommentar / C.-W. Canaris, W. Schilling, P. Ulmer. 4. Aufl. Bd. 1 : Einleitung ; § 1–104. Berlin ; New York : de Gruyter, 1995. S. 469 ; Heymann. Handelsgesetzbuch : Kommentar / N. Horn, P. Balzer, G. Borges, H. Herrmann (Hgs.). 3. Aufl. Bd. 1 : Einleitung ; § 1–104a. Berlin ; Boston : de Gruyter, 2019. § 56.*

³⁰ *Handelsgesetzbuch : Großkommentar. S. 465–466 ; Gross W. Handelsrecht: Fall — Systematik — Lösung. 3. Aufl. Wiesbaden : Gabler, 1994. S. 175.*

тиях), неизбежно возникает вопрос о полномочиях работников организации.

Немецкая правовая система отвечает на него в § 56 ГТУ, согласно которому лицо, работающее в магазине или на открытом товарном складе, считается уполномоченным. К работникам относятся любые лица, действующие с ведома предпринимателя при взаимодействии с покупателями в магазине или на складе, независимо от их основной должности, трудового статуса или характера занятости. Даже сотрудники, обычно не связанные с продажами (например, бухгалтеры или грузчики), могут приобрести этот статус, если выполняют торговые функции. Однако данная норма не применяется к работникам, чьи обязанности не предполагают контакта с клиентами, а также к сделкам, совершенным без ведома работодателя или посторонними лицами, выдающими себя за сотрудников. Молчаливые полномочия продавцов могут быть ограничены предпринимателем путем надлежащего уведомления (например, посредством видимого объявления «Оплата только в кассе» или очевидного наличия кассового аппарата)³¹.

Российское законодательство предусматривает похожее правило. Согласно абз. 2 п. 1 ст. 182 ГК РФ полномочие может также явствовать из обстановки, в которой действует представитель (продавец в розничной торговле, кассир и т.п.). Несмотря на это, в подавляющем большинстве случаев предприниматели не используют такую возможность. Они предпочитают уполномочивать работников организаций, заключающих розничные договоры вне публичной оферты, на основании письменной доверенности. Например, в автосалонах кассиры не участвуют в заключении договоров. Они только принимают исполнение по договорам, заключенным уполномоченными на основании доверенности работниками. Думается, подобное поведение вызвано тем, что письменная доверенность представляет собой более удобный и ясный способ уполномочивания по сравнению с молчаливым (конклюдентным). Определить уполномоченное на продажу лицо среди находящихся в магазине работников, тем более на фоне множества информационных табличек, указывающих на ограничения полномочий, гораздо сложнее, чем определить такое

лицо на основании предъявленной письменной доверенности.

В связи с этим представляется очевидным, что допустимо наделять молчаливыми полномочиями на продажу работников организаций розничной торговли, реализующих товары, работы или услуги вне публичной оферты. Однако подобное законодательное решение менее удобно, чем письменное уполномочивание. Это подтверждается описанным российским опытом.

Таким образом, анализ истории возникновения молчаливых (конклюдентных) полномочий, сравнительно-правовое исследование законодательного опыта Германии (где данная концепция получила наиболее последовательное закрепление как в правовых актах, так и в доктрине) и Китая, а также изучение законодательной и правоприменительной практики России позволяют утверждать, что в абсолютном большинстве случаев полномочия из обстановки применяются исключительно к отношениям по принятию исполнения. Эти отношения не относятся к представительству и регулируются нормами ст. 312 ГК РФ. В исключительных случаях (заключение розничных договоров вне публичной оферты), когда упомянутая концепция может быть применена к сделкам, уполномочивание через доверенность оказывается более удобным механизмом для участников правоотношений.

При указанных обстоятельствах следует признать, что концепция полномочий из обстановки не связана с представительством. Ее применение следует ограничить отношениями по принятию исполнения (ст. 312 ГК РФ), как это имело место при возникновении данной теоретической модели. Следовательно, нормы абз. 2 п. 1 ст. 182 ГК РФ следует перенести в ст. 312 ГК РФ («Исполнение обязательства надлежащему лицу»), дополнив ее следующим положением: «Должник считается исполнившим обязательство надлежащему кредитору, если исполнение производится в обстановке, которая свидетельствует о принятии исполнения самим кредитором или уполномоченным им лицом (продавец в розничной торговле, кассир и т.п.), если не доказано, что должник знал об исполнении обязательства ненадлежащему лицу».

³¹ *Heymann*. *Handelsgesetzbuch (ohne Seerecht) : Kommentar / N. Horn (Hg.)*. 2. Aufl. Bd. 1. Erstes Buch : Einleitung ; § 1–104. Berlin ; New York : de Gruyter, 1995. S. 464–465 ; *Gierke J.* *Handelsrecht und Schifffahrtsrecht*. Berlin ; New York : de Gruyter, 2020. S. 123–124.

Видимые полномочия

Концепция видимых полномочий (*Vollmacht kraft Rechtsscheins*) развернутое теоретическое обоснование нашла в немецкой доктрине.

Существуют ситуации, в которых полномочия представителя отсутствуют. Но что, если третье лицо думало, что полномочия существуют, и полагалось на это? Судебная практика разработала для такого случая две концепции: *дозволительного* (*Duldungsvollmacht*) и *кажущегося* (*Anscheinsvollmacht*) полномочия.

Дозволительное полномочие предполагает, что представитель с определенной длительностью и частотой действует от имени предпринимателя. Предприниматель знает об этом и терпит такое положение дел. При этом он никогда не выдавал доверенность. Третье лицо исходит из того, что доверенность имеется. Правовым последствием, согласно господствующему мнению, является то, что предприниматель рассматривается так, как если бы он выдал доверенность.

Кажущееся полномочие предполагает, что представитель действует от имени предпринимателя. Предприниматель не знает об этом, но при должной осмотрительности мог бы это заметить и предотвратить. Таким образом, предприниматель и здесь создает правовое предположение. Для третьего лица все выглядит так, будто предприниматель выдал доверенность³². Обоснованность существования кажущегося полномочия является спорной в немецкой литературе³³.

Соответственно, кажущееся полномочие отличается от дозволительного только тем, что представляемый не знает о поведении представителя, но должен был знать о нем (в отличие от дозволительного полномочия, где он знает и допускает такое поведение)³⁴.

Использование концепции видимых полномочий в чистом виде в российском законодательстве неоправданно, поскольку ее возникновение и развитие обусловлены спецификой регулирования представительских отношений в немецком праве, не свойственной российской правовой системе. Речь идет, в частности, о различиях в требованиях к форме доверенности и основаниям ее прекращения.

Впрочем, это не означает, что не следует учитывать саму проблематику этой концепции: как разрешать ситуации, когда полномочия фактически отсутствуют, но третьи лица добросовестно полагали иначе?

В российском законодательстве решение данной проблемы содержится в нормах ст. 183 и п. 2 ст. 189 ГК РФ.

Правила названных статей устанавливают правовые последствия совершения сделок неуполномоченным лицом. При этом нормы ст. 183 ГК РФ являются общими и касаются всех случаев нарушения пределов полномочий. Согласно данной норме сделка, совершенная вне полномочий, не имеет юридической силы для представляемого. Норма п. 2 ст. 189 ГК РФ является специальной, поскольку регулирует правовые последствия совершения сделок неуполномоченным лицом путем предъявления прекращенной доверенности. Согласно ей, напротив, такая сделка создает правовые последствия для представляемого при условии добросовестности третьего лица (оно не знало и не должно было знать о прекращении доверенности), что является краеугольным камнем немецкой концепции видимых полномочий. В случае же недобросовестности третьего лица должна применяться норма ст. 183 ГК РФ как общая норма.

Предмет представительства

Действующее гражданское законодательство в качестве предмета представительства называет сделку (ст. 153 ГК РФ).

Подобный подход характерен и для зарубежных правопорядков. Так, статья 161 ГК КНР гласит, что субъекты гражданского права могут осуществлять сделки через представителей. Согласно французскому гражданскому законодательству предметом отношений представительства являются сделки (ст. 1154, 1161 ФГК). В соответствии с немецким правопорядком представительство также возникает по поводу сделок (§ 164 ГГУ)³⁵.

³² *Lippmann S., Scholz L.* Das BGB für ausländische Studierende — Übungen zu Rechtssprache und Methodik: Einführung in BGB AT und Allgemeines Schuldrecht. Heidelberg : C. F. Müller, 2013. Rn. 262–264.

³³ *Tiedtke K.* Gutgläubiger Erwerb im bürgerlichen Recht, im Handels- und Wertpapierrecht sowie in der Zwangsvollstreckung. Berlin ; New York : de Gruyter, 2014. S. 175.

³⁴ *Tiedtke K.* Op. cit. S. 173.

³⁵ Следует отметить, что в § 164 ГГУ используется категория «волеизъявление» (*Willenserklärung*), а не «сделка» (*Rechtsgeschäft*), что не меняет сути вопроса о предмете представительства. В немецком

Несмотря на это, в литературе высказывается мнение, что правила о представительстве необходимо распространить на все виды юридических действий в сфере гражданского права (получение корпоративных документов о деятельности юридического лица, направление уведомлений, извещений, претензий и т.п.). Авторы такого подхода аргументируют свою позицию в том числе ссылкой на немецкую литературу, в которой представлено похожее мнение, согласно которому к сделкоподобным заявлениям (российский аналог — юридически значимые сообщения) могут по аналогии применяться правила о представительстве³⁶.

Данная позиция представляется дискуссионной по следующим причинам.

Во-первых, «сделкоподобные действия» (*geschäftsähnliche Handlungen*) представляют собой термин, который не используется в ГГУ и по своему содержанию близок к волеизъявлению (*Willenserklärung*) (§ 116–142 ГГУ). Подобные действия также охватывают процесс выражения воли (например, уведомления, сообщения и извещения согласно § 149, 170, 510, 665 ГГУ). Однако, в отличие от волеизъявления (*Willenserklärung*) (§ 116–142 ГГУ), направленного на достижение предусмотренного законом правового результата (т.е. сделки), сделкоподобные действия преследуют иные цели³⁷. В связи с этим в Германии к таким действиям по аналогии применяются не нормы о представительстве, а положения о волеизъявлении (*Willenserklärung*) (§ 116–142 ГГУ), включающие правила о представительстве. Следовательно, перенос подхода, выработанного немецкой юридической практикой и доктриной, на российскую правовую систему представляется неоправданным, поскольку в российском праве отсутствует аналогичный институт волеизъявления (*Willenserklärung*).

Во-вторых, расширение предмета представительства от сделок до иных юридических действий означает возврат к прошлому, ко времени зарождения отношений представительства, когда его предмет был тождествен предмету договора поручения. Одним из необходимых условий отделения представительства от договора поручения явилось сужение предмета представительства до совершения сделок.

В-третьих, сделки и иные юридические действия неодинаковы по своей значимости для гражданского оборота. Действительность сделки, представляющей собой формирование и выражение воли, значительно важнее, чем исполнение уже сформированной воли. Это определяет выбор правовых средств укрепления права: для сделок они существеннее, чем для их исполнения. Следовательно, применение единых механизмов укрепления права и к совершению сделки, и к ее исполнению нецелесообразно. Например, если доверенность критична для заключения договора от имени другого лица, то ее обязательное использование при получении товаров (ст. 312 ГК РФ) в Wildberries возможно, но неэффективно. В этом случае QR-код — более экономичный и практичный способ.

Таким образом, с догматической и практической точек зрения представительство должно касаться только сделок (ст. 153 ГК РФ). Распространять его правила на иные гражданско-правовые юридические действия недопустимо. В данном контексте новелла п. 2 ст. 312 ГК РФ, требующая в ряде случаев нотариальную доверенность для принятия исполнения, избыточна. Введя эту норму, законодатель необоснованно распространил сферу представительства на прием исполнения, где традиционно доста-

законодательстве волеизъявление является средством совершения сделки. Оно создает сделку, а она порождает автономно установленные правовые последствия. Последствия волеизъявления и сделки не тождественны, а находятся в ступенчатом соотношении. Если волеизъявление ничтожно, сделка не возникает. Вопрос о ее действительности даже не ставится. Если сделка ничтожна, она все же должна быть формально совершена (иначе нормы о ее недействительности неприменимы). Любая недействительная сделка возникает из действительных волеизъявлений. Волеизъявление, направленное на совершение сделки, и сама сделка не могут быть недействительными одновременно. В немецкой литературе также встречаются традиционные представления: волеизъявление как составная часть сделки. Если сделка разделяет юридическую судьбу своих элементов, то недействительность волеизъявлений влечет ее недействительность, и нет необходимости различать недействительность волеизъявлений и недействительность сделок при применении норм ГГУ (*Leenen D. BGB Allgemeiner Teil: Rechtsgeschäftslehre. 2. Aufl. Berlin ; Boston : de Gruyter, 2015. S. 53–55*).

³⁶ *Егоров А. В., Папченко Е. А., Ширвиндт А. М.* Указ. соч. С. 37.

³⁷ *Hübner H.* Op. cit. S. 311–312 (Rn. 696–698) ; *Leipold D.* Op. cit. S. 106–107 (Rn. 23–25).

точно любых доказательств надлежащего принятия обязательства.

Впрочем, следует учитывать, что институт представительства имеет межотраслевое значение, так как оно применяется в различных отраслях права. Данная характеристика была присуща представительству с момента его зарождения. Например, согласно ст. 32 Устава торгового договора торговой поверенности заключаются посредством актов, именуемых доверенностями. Торговые доверенности разделяются на два вида: 1) доверенности на производство торга и 2) доверенности на хождение по таможенному производству дел.

При указанных обстоятельствах следует учитывать, что сделка является предметом представительства лишь тогда, когда оно осуществляется в сфере гражданского оборота. Если же представительство реализуется в рамках других отраслей права, то его предметом могут выступать права и обязанности, соответствующие данным отраслям, если иное не предусмотрено законом. Например, согласно пп. 44 п. 1 ст. 2 ТК ЕАЭС предметом таможенного представительства являются таможенные операции, предполагающие определенный набор прав и обязанностей.

Следовательно, структура правоотношений при представительстве будет различаться в зависимости от отраслевой принадлежности:

гражданско-правовые отношения имеют иную отраслевую структуру, нежели отношения в других отраслях права.

В случае представительства в гражданском праве и иных отраслях права основанием возникновения поручения могут быть договоры разных отраслей права. Например, поручение на заключение договора купли-продажи (сфера гражданского права) и на защиту интересов в суде (сфера процессуального права) может возникнуть как из договора поручения (гражданско-правового договора), так и из трудового договора. При этом полномочия представителя во всех случаях возникают исключительно на основании норм гражданского права (ст. 182 ГК РФ), независимо от отраслевой принадлежности отношений, в которых осуществляется представительство.

Правовые последствия нарушения пределов поручения или полномочий должны подчиняться нормам той отрасли права, в рамках которой осуществляется представительство. Например, для гражданско-правовой сферы такие последствия специально урегулированы статьями 174 и 183 ГК РФ. В процессуальных правоотношениях соответствующие последствия должны определяться исключительно нормами процессуального права. Положения ст. 174 и 183 ГК РФ к данным отношениям не могут применяться в силу их правовой природы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гордон А. О. Представительство в гражданском праве. СПб. : Тип. Шредера, 1879. 447 с.
- Гражданское право : учебник : в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2019.
- Гражданское уложение. Книга пятая. Обязательства. Проект Высочайше учрежденной редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения. Т. 3. Ст. 505–718. СПб. : Гос. тип., 1899.
- Егоров А. В., Папченкова Е. А., Ширвиндт А. М. Представительство: исследование судебной практики. М. : Статут, 2016.
- Казанцев Л. Н. Учение о представительстве в гражданском праве: кандидатское рассуждение. Ярославль : Тип. Г. В. Фальк, 1878.
- Нерсесов Н. О. Понятие добровольного представительства в гражданском праве. М. : Тип.-лит. И. И. Смирнова, 1878.
- Пахман С. В. Обычное гражданское право в России: юридические очерки. Т. 1 : Собственность, обязательства и средства судебного охранения. СПб. : Тип. Второго отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1877.
- Таль Л. С. Договор доверенности или поручения в проекте гражданского уложения // Право. 1911. № 12.
- Шерешевский И. В. Представительство. Поручение и доверенность : Комментарии к ст. 38–40 и 251–275 Гражданского кодекса. М. : Право и жизнь, 1925. 106 с.
- Gierke J. Handelsrecht und Schiffahrtsrecht. Berlin ; New York : de Gruyter, 2020.
- Gross W. Handelsrecht: Fall — Systematik — Lösung. 3. Aufl. Wiesbaden : Gabler, 1994.
- Heymann E. Handelsgesetzbuch (ohne Seerecht) : Kommentar / N. Horn (Hg.). 2. Aufl. Bd. 1. Erstes Buch : Einleitung ; § 1–104. Berlin ; New York : W. de Gruyter, 1995.

- Hübner H. Allgemeiner Teil des Bürgerlichen Gesetzbuches. 2. Aufl. Berlin ; New York : de Gruyter, 1996.
- Lecourt A. Fiches de droit des obligations. 7e éd. Éditions Ellipses, 2023.
- Leenen D. BGB Allgemeiner Teil: Rechtsgeschäftslehre. 2. Aufl. Berlin ; Boston : de Gruyter, 2015.
- Leipold D. BGB I: Einführung und allgemeiner Teil : Ein Lehrbuch mit Fällen und Kontrollfragen. 5. Aufl. Tübingen : Mohr Siebeck, 2008.
- Lippmann S., Scholz L. Das BGB für ausländische Studierende — Übungen zu Rechtssprache und Methodik: Einführung in BGB AT und Allgemeines Schuldrecht. Heidelberg : C. F. Müller, 2013.
- Schade F. Wirtschaftsprivatrecht: Grundlagen des bürgerlichen Rechts sowie des Handels- und Wirtschaftsrechts. 2. Aufl. Stuttgart : Kohlhammer, 2009.
- Tiedtke K. Gutgläubiger Erwerb im bürgerlichen Recht, im Handels- und Wertpapierrecht sowie in der Zwangsvollstreckung. Berlin ; New York : de Gruyter, 2014.

REFERENCES

- Berger KP, Heymann E. Handelsgesetzbuch (ohne Seerecht): Kommentar. W. de Gruyter; 1995. (In German).
Civil code. Book five. Obligations. Draft of the Highly Established Drafting Committee for Drafting the Civil Code. St. Petersburg; 1899. (In Russ.).
- Egorov AV, Papchenkova EA, Shirvindt AM. Representation: study of judicial practice. Moscow: Statut Publ.; 2016. (In Russ.).
- Gierke J. Handelsrecht und Schiffahrtsrecht. De Gruyter; 2020. (In German).
- Gordon AO. Representation in civil law. St. Petersburg: Schroeder Publ.; 1879. (In Russ.).
- Groß W. Handelsrecht: Fall Systematik Lösung. Gabler Verlag; 2013. (In German).
- Hübner H. Allgemeiner Teil des Bürgerlichen Gesetzbuches. 2., neubearb. Aufl. Berlin, New York: de Gruyter; 1996. (In German).
- Kazantsev LN. The doctrine of representation in civil law: candidate reasoning L. Kazantsev. Yaroslavl: G.V. Falk Publishing House; 1878. (In Russ.).
- Lecourt A. Fiches de Droit des obligations. Editions Ellipses; 2023. (In German).
- Leenen D. BGB Allgemeiner Teil: Rechtsgeschäftslehre. De Gruyter; 2015. (In German).
- Leipold D. BGB I: Einführung und allgemeiner Teil: ein Lehrbuch mit Fällen und Kontrollfragen. Mohr Siebeck; 2008. (In German).
- Lippmann S., Scholz L. Das BGB für ausländische Studierende — Übungen zu Rechtssprache und Methodik: Einführung in BGB AT und Allgemeines Schuldrecht. C.F. Müller; 2013. (In German).
- Nersesov NO. The concept of voluntary representation in civil law. Moscow: Typolitography of Il. Smirnov; 1878. (In Russ.).
- Pakhman SV. Ordinary civil law in Russia: legal essays. Vol. 1: Property, obligations and means of judicial protection. St. Petersburg; 1877. (In Russ.).
- Schade F. Wirtschaftsprivatrecht: Grundlagen des bürgerlichen Rechts sowie des Handels- und Wirtschaftsrechts. Kohlhammer; 2009. (In German).
- Shereshevsky IV. Representation. Assignment and power of attorney: Comments to Articles 38–40 and 251–275 of the Civil Code. Moscow: Pravo i Zhizn Publ.; 1925. (In Russ.).
- Sukhanov EA (ed.). Civil law: In 4 volumes. 2nd ed. Moscow: Statut Publ.; 2019. (In Russ.).
- Tal LS. Power of attorney or assignment agreement in the draft civil code. *Zakon*; 1911;12. (In Russ.).
- Tiedtke K. Gutgläubiger Erwerb im bürgerlichen Recht, im Handels- und Wertpapierrecht sowie in der Zwangsvollstreckung. De Gruyter; 2014. (In German).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кораев Константин Борисович, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой предпринимательского и энергетического права Санкт-Петербургского государственного экономического университета
д. 30–32, канала Грибоедова наб., г. Санкт-Петербург 191023, Российская Федерация
1-kosta@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Konstantin B. Koraev, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Business and Energy Law, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russian Federation
1-kosta@mail.ru

Материал поступил в редакцию 11 октября 2025 г.

Статья получена после рецензирования 2 ноября 2025 г.

Принята к печати 15 февраля 2026 г.

Received 11.10.2025.

Revised 02.11.2025.

Accepted 15.02.2026.